T27 1/136

~~C 2 6/66~~

~~A 19 8/40~~

~~C 5 75/144~~

K/m

T 27 1/136

Инв. 6027.
13/X 310.

СЛОВО

О ПОЛЬЗѢ ЯЗЫКА ВООБЩЕ, И ОСОБЛИВО ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПРОСВѢЩЕНІЮ И БЛАГУ НАРОДОВЪ,

Т27 1/136

ПРОИЗНЕСЕННОЕ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

Іюля 1 дня 1816 года,

Профессоромъ П. Э. и Общества Любителей Россійской Словесности Дѣйствительнымъ Членомъ

АЛЕКСѢЕМЪ БОЛДЫРЕВЫМЪ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

388196

Въ протекшемъ году, ПП. ПП.! въ сіе самое время жестокая брань свирѣпствовала въ Европѣ. Низверженный тиранъ Галловъ, изторгшись изъ своего заточенія и сопровождаемый многочисленною толпою преданныхъ ему рабовъ, снова явился-было въ странѣ прежняго своего владычества и возмущалъ вожделѣнное спокойствіе Царей и народовъ. Въ безуміи своемъ мечталъ онъ изхитить державный скипетръ изъ рукъ законнаго Владѣтеля Франціи, утвердиться на престолѣ, которымъ обладалъ онъ прежде столь долго и неправедно, — мечталъ содѣлаться снова могущественнымъ Повелителемъ Галловъ и предписывать законы цѣлому свѣту. Но гордые замыслы неистовой злобы остались тщетными. Многочисленныя войска союзныхъ Державъ, предводимыя мудростію вѣнценосныхъ Государей, двинулись на помощь добродѣтельному Лудовику, наказали лютаго, надменнаго врага, — и благодатный миръ водворился и до сего времени царствуетъ въ Европѣ.

Благодареніе Тебѣ, Всемогущій Царю Царей! Ты благословилъ щастливымъ успѣхомъ оружіе воиновъ, сражавшихся въ сей священной брани; Ты не допустилъ неистоваго тирана снова владычествовать въ Европѣ и желѣзныя цѣпи рабства налагать на чуждые народы; Ты наказалъ неистоваго честолюбца, дерзнувшаго поколебать вожделѣнное спокойствіе неправедною бранью; Ты укротилъ жестокую бурю войны и явилъ намъ лучезарное солнце мира, которое благодатнымъ свѣтомъ своимъ оживляетъ изнуренную Европу!

Хвала и благодареніе Тебѣ, возлюбленный нашъ МОНАРХЪ, Благословенный Исполнитель судебъ Всемогущаго! Ты освободилъ народы, стонавшіе подъ игомъ жестокаго рабства; Ты возвратилъ законнымъ Царямъ скипетры, насиліемъ у нихъ похищенные; Ты возвеличилъ Россію и вознесъ ее превыше всѣхъ Царствъ земныхъ; Ты облекъ ее лучезарною славою и несокрушимымъ могуществомъ, — даровалъ ей твердость непоколебимую и благоденствіе ничѣмъ непомрачаемое!

Великіе подвиги, совершенные АЛЕКСАНДРОМЪ для блага всего человѣчества, пребудутъ незабвенными въ Исторіи. Народы съ благоговѣніемъ произносятъ теперь имя АЛЕКСАНДРА, какъ Защитника ихъ свободы; вѣнчанныя Главы Европы преисполнены почтительной благодарности къ Нему, яко Виновнику благополучнаго ихъ царствованія. Какія же сладостныя чувства должны наполнять твое сердце, блаженная Россія! Не должна ли ты гордиться и возхищаться такимъ Великимъ Государемъ? — Но кто возможетъ изобразить твои пламенныя чувствованія любви и преданности къ возлюбленному МОНАРХУ? — Вѣрные сыны Отечества благословляютъ теперь судьбу свою; они благодарятъ милосердое Провидѣніе, даровавшее имъ столь кроткаго, мудраго и Великаго ГОСУДАРЯ! —

И какъ не благодарить милосердое Провидѣніе? — Естьли благословенная Россія гордо возноситъ нынѣ чело свое къ Нѣбесамъ; естьли она въ цѣлой вселенной не зритъ равной себѣ Державы ни въ могуществѣ, ни въ доблестяхъ, ни въ блистательной славѣ, — то не мудрому ли АЛЕКСАНДРУ обязана она симъ величіемъ? Не Его ли отеческимъ о ней попеченіямъ должна она въ особенности благодарить и за то, что сравнялась почти со всѣми знатнѣйшими Государствами Европы

въ своемъ просвѣщеніи? — Такъ! возлюбленный нашъ МОНАРХЪ, устроивъ ея благоденствіе, содѣлался и ея просвѣтителемъ! Никогда еще благодатный свѣтъ Наукъ не разпространялся въ любезномъ нашемъ Отечествѣ такъ быстро, какъ теперь! Никогда еще просвѣщеніе въ Государствѣ нашемъ не возходило на такую высокую степень, на какой находится нынѣ! Никогда еще Россіяне въ образованіи своемъ не приближались столько къ другимъ просвѣщеннымъ народамъ Европы, сколько въ теперешнее время. — Благословенный АЛЕКСАНДРЪ, въ нѣсколько лѣтъ Своего царствованія, успѣлъ возвести Россію на сію степень достоинства; Онъ поселилъ въ сердцахъ подданныхъ Своихъ любовь къ Наукамъ, указалъ имъ прямой, истинный путь къ собственному ихъ благополучію и къ вѣрнымъ заслугамъ Отечеству — и достойные сыны Россіи ревностно устремились на сіе священное поприще, совершили трудные подвиги и увѣнчались неувядаемыми лаврами.

Но въ то самое время, какъ лучезарной свѣтъ Наукъ повсемѣстно разпространяется въ обширныхъ владѣніяхъ нашего МОНАРХА, какъ всѣ сословія примѣтно возвышаются въ своемъ образованіи, — въ то самое время и языкъ Россійской быстро возходитъ на высокую степень совершенства и обогащается; ибо извѣстно, что языкъ идетъ равнымъ шагомъ съ народнымъ просвѣщеніемъ. Богатства его умножаются, какъ скоро кругъ понятій нашихъ становится обширнѣе. Между тѣмъ однакожъ языкъ приноситъ величайшую пользу и Наукамъ; *онъ служитъ къ повсемѣстному ихъ разпространенію и чрезъ то способствуетъ благу народному.* О семъ предметѣ, равно какъ и *о пользѣ языка вообще*, осмѣливаюсь предложить Вамъ теперь, ПП. ПП.! нѣкоторыя замѣчанія мои.

Человѣкъ привыкаетъ къ Природѣ и становится къ ней равнодушнымъ. Хладнокровно смотришъ онъ на самыя чудесныя ея произведенія, которыя поразили бы удивленіемъ его душу, естьлибъ онъ обратилъ на нихъ должное вниманіе, или когда бы они представились въ первый разъ любопытнымъ его взорамъ. — Что можетъ быть величественнѣе и благодѣтельнѣе текущаго по небесамъ дневнаго свѣтила, которое разливаетъ повсюду жизнь, и безъ котораго Природа вѣчно оставалась бы въ нѣкоемъ мертвомъ оцепенѣніи? — И человѣкъ ежедневно взираетъ на него, какъ на предметъ самый обыкновенный, и не помышляетъ о величайшихъ благодѣяніяхъ, которыя оно изливаетъ на вселенную! — Что можетъ болѣе возвысить душу и наполнить ее благоговѣйнымъ восторгомъ, какъ не зрѣлище планетъ, — сихъ безчисленныхъ міровъ, движущихся надъ главами нашими и можетъ быть населенныхъ разумными существами? — И смертный остается хладнокровнымъ зрителемъ и не удивляется неограниченному всемогуществу Божію! — Какое великолѣпное и восхитительное зрѣлище представляетъ земля, облеченная въ зеленую одежду, преисполненная растѣній и плодовъ безчисленныхъ, питающая безконечное множество тварей разнообразныхъ, ознаменованная благостію Отца небеснаго! — И слабый смертный, имѣя часто предъ очами своими сію чудесную картину Природы, не повергается на колѣна предъ Творцемъ милосердымъ и въ умиленіи сердца не возноситъ Ему хвалы благодарственной!

Такъ-то человѣкъ, окруженный величественными и чудесными твореніями рукъ Всемогущаго, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ ежедневно взирающій на оныя, засыпаетъ въ чувствахъ своихъ и рѣдко, очень рѣдко, выходя изъ глубокаго усыпленія, обращаетъ на нихъ должное вниманіе! —

Но сего не довольно! — Будучи надѣленъ богатыми дарами Природы и наслаждаясь непрестанно безчисленными благодѣяніями Верховнаго Существа, онъ столько привыкаетъ къ нимъ, что они кажутся ему не столь важными и великими, каковы они въ самомъ дѣлѣ. Даръ слова есть по истинѣ высочайшее благодѣяніе Всемогущаго!... Но кто изъ насъ, пользуясь онымъ ежедневно, не считаетъ его чѣмъ-то обыкновеннымъ? Кто изъ насъ, не размысливъ внимательно о важности сего небеснаго дара, видитъ въ немъ отличное благоволеніе Божества къ роду человѣческому?

Творецъ, создавъ вселенную и населяя землю несмѣтнымъ множествомъ разнообразныхъ тварей, хотѣлъ возвысить человѣка предъ всѣми животными, хотѣлъ ознаменовать преимущественную любовь Свою къ нему — и даровалъ ему *разумъ и слово*. И смертный гордо подъялъ главу свою; земля и море ему покорились; всѣ твари познали могущество его и признали его верховнымъ царемъ своимъ!

Такъ, ПП. ПП.! *разумъ и слово* поставили человѣка превыше всѣхъ земныхъ тварей! Посредствомъ сихъ даровъ Всеблагаго Отца небеснаго возшелъ онъ на высочайшую степень достоинства; содѣлался разумнѣйшимъ существомъ на земли, владыкой міра подлуннаго. Отнимите у него сіи два божественные дара, — и онъ станетъ на ряду съ прочими животными, а можетъ быть нѣкоторымъ и уступитъ преимущество надъ собою. Но что я говорю? отнимите у него одинъ изъ нихъ — даръ слова — и тогда уже смертный лишится многихъ правъ своихъ на первенство между земными твореніями; ибо разумъ питается, укрѣпляется и мужаетъ посредствомъ слова. — Но что такое значитъ языкъ?.... Какое вліяніе имѣетъ онъ на судьбу человѣка?

Языкъ служитъ намъ для изъясненія внутреннихъ нашихъ чувствованій; онъ, такъ сказать, переливаетъ ихъ въ душу другаго и дѣлаетъ ихъ понятными. Нѣтъ ничего въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, чего бы мы не могли выразить посредствомъ слова, какъ скоро это понимаемъ. Не только предметы, подверженные чувствамъ, ихъ безчисленные виды, свойства и части, ихъ дѣйствія и отношенія между собою имѣютъ опредѣленное и точное свое названіе, — но и предметы невидимые, существующіе только въ умѣ нашемъ, понятія самыя отвлеченныя, внутреннія движенія души разнообразныя, однимъ словомъ все, что только воображеніе и умъ представитъ, а сердце чувствовать могутъ, — все изображается словами съ совершенною точностію и ясностію. Въ семъ одномъ уже отношеніи языкъ, какъ зеркало видимаго и невидимаго міра, какъ зеркало души и безчисленныхъ ея движеній, долженъ казаться намъ даромъ безцѣннымъ, за которой не можемъ довольно возблагодарить милосердое Провидѣніе. Ибо чѣмъ могли бы мы замѣнить его? — Мнѣ скажутъ: *тѣлодвиженіями и другими знаками.* — Но можетъ ли языкъ дѣйствія сравниться во всѣхъ отношеніяхъ съ языкомъ словеснымъ? Можетъ ли онъ, подобно послѣднему, имѣть такое обширное и благодѣтельное дѣйствіе на щастіе рода человѣческаго? — Никогда!

Языкъ дѣйствія непремѣнно долженъ быть ограниченъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, — между тѣмъ какъ языкъ словесный не знаетъ никакихъ предѣловъ и можетъ выражать все, что только умъ постигаетъ! Первый, кажется, болѣе способенъ изображать предметы, подверженные чувствамъ, ихъ дѣйствія и нѣкоторыя движенія души, — но не столько способенъ выражать понятія отвлеченныя; кромѣ того выраженія его могутъ быть темны, сбивчивы, сомнительны; но выра-

женія языка словеснаго имѣютъ совершенную ясность, точность, опредѣленность. Можетъ быть иные усомнятся въ истинѣ словъ моихъ, укажутъ мнѣ на Парижское Училище глухонѣмыхъ, въ которомъ языкъ дѣйствія доведенъ до извѣстной степени совершенства, и станутъ утверждать, что онъ можетъ достигнуть еще большаго совершенства и наконецъ сравниться съ языкомъ словеснымъ. Положимъ, что это возможно, — хотя впрочемъ и трудно согласиться; но не должныль мы вспомнить, что это возможно было бы только при теперешнемъ нашемъ образованіи и просвѣщеніи, при настоящемъ богатствѣ и усовершенствованіи языка словеснаго, который долженъ бы служить матеріаломъ и образцомъ для языка дѣйствія? А иначе не льзя никакъ ожидать сего! . . . . И такъ это одно уже заставляетъ насъ отдать преимущество языку словесному. — Но естьли мы представимъ сверхъ того, какое благодѣяніе приноситъ роду человѣческому изоорѣтеніе письма, что сіе полезное изобрѣтеніе не могло быть безъ языка словеснаго, что напротивъ того языкъ дѣйствія, при всемъ возможномъ совершенствѣ своемъ, долженъ бы вѣчно заключаться въ однихъ только шѣлодвиженіяхъ и другихъ наружныхъ знакахъ, но никогда не могъ быть выраженъ, подобно словесному, письменами, — тогда признаемся, что даръ слова есть неоцѣненное для насъ сокровище, что онъ ни съ чѣмъ сравниться, и ничѣмъ замѣненъ быть не можетъ.

Мы знаемъ теперь, ПП. ПП.! что такое значитъ языкъ; — позвольте обратить вниманіе Ваше на то, какое вліяніе имѣетъ онъ на судьбу человѣчества. Естьли слабому смертному позволено угадывать намѣренія Всемогущаго, то кажется, что Творецъ, даровавъ людямъ способность изъяснять мысли

свои посредствомъ языка, хотѣлъ, дабы они, какъ дѣти единаго небеснаго Отца, открывъ взаимныя нужды свои другъ другу, соединились братскими узами, составили общества и пеклись о благополучіи собственномъ. Ибо въ самомъ дѣлѣ, къ чему послужилъ бы даръ слова человѣку, естьли бы онъ жилъ одинъ, удаленный отъ подобныхъ себѣ? Онъ былъ бы для него совершенно лишнимъ, безполезнымъ. — Но смертный исполнилъ благую волю Премудраго Творца! Онъ чувствовалъ свою слабость, видѣлъ необходимость въ помощи постороннеи, открылъ сердце свое ближнему — и братскій союзъ заключенъ! Образовалось общество — и благоденствіе человѣчества утвердилось на незыблемомъ основаніи. Тогда-то языкъ содѣлался для человѣка вѣрнымъ и почти единственнымъ орудіемъ къ достиженію той степени образованности, благосостоянія и величія, на которой видимъ мы теперь земные народы.

Ибо когда возсіяла божественная Вѣра, составляющая утѣшеніе и отраду человѣка въ здѣшней жизни и сладкую надежду въ будущей; — когда возникли мудрые законы, утверждающіе на прочномъ основаніи благоденствіе цѣлыхъ Государствъ и охраняющіе жизнь и собственность каждаго гражданина въ особенности; — когда явились благодѣтельныя Науки, озаряющія умъ нашъ лучезарнымъ свѣтомъ истины, и отверзающія намъ сокровенныя таинства Природы; — когда возродились полезныя искусства и художества, удовлетворяющія всѣмъ нашимъ нуждамъ и прихотямъ, доставляющія намъ всѣ удобства и удовольствія: тогда языкъ, принявъ ихъ подъ охраненіе свое, переносилъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, и собирая на пути своемъ все, что могло послужить къ ихъ усовершенствованію, передавалъ сіи богатыя сокровища во всей цѣлости. И такъ,

естьли утѣшительная Вѣра, благодѣтельные законы, вдохновенныя Науки и полезныя искусства и художества составляютъ теперь благоденствіе, могущество и славу народовъ, — то главнѣйшимъ къ тому средствомъ служитъ языкъ, сей вѣрный хранитель всего полезнаго и добраго. Но естьли бы человѣкъ, одаренный отъ Бога разумомъ, не имѣлъ способности передавать чувствованія и мысли свои посредствомъ словъ; естьли бы сія способность не была въ послѣдствіи подкрѣплена языкомъ письменнымъ, — тогда бы вѣрно не могъ онъ никогда возвыситься до настоящаго совершенства и въ своихъ познаніяхъ, и въ своемъ благосостояніи.

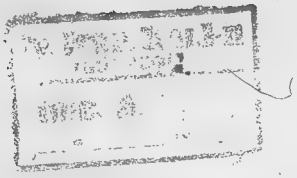
Хотя языкъ словесный самъ по себѣ чрезвычайно важенъ; хотя онъ приноситъ и вѣчно будетъ приносить величайшую пользу роду человѣческому; но кругъ благодѣтельныхъ его дѣйствій былъ бы гораздо тѣснѣе, ограниченнѣе, когда бы не явился между смертными вдохновенный Геній, который представилъ его въ новомъ видѣ — *въ видѣ письменъ*, — и тѣмъ сдѣлалъ его еще полезнѣе, еще благодѣтельнѣе! . . . . Хвала тебѣ, великій мужъ, скрывающійся во мракѣ отдаленныхъ вѣковъ! Хвала тебѣ, истинный благодѣтель рода человѣческаго! Хотя имя твое не предано безсмертію, — хотя завистливое время навсегда скрыло отъ насъ, въ какомъ вѣкѣ и въ какомъ народѣ жилъ ты; — но мы умѣемъ цѣнить благодѣянія твои и благословляемъ священную память твою! Каждой народъ, каждое Государство, изъ благодарности къ великимъ заслугамъ твоимъ, должно бы воздвигнуть въ честь твою великолѣпный памятникъ, котораго бы и самое время не могло сокрушить! . . . Но что я говорю? Ты не имѣешь нужды въ немъ: — письмена служатъ тебѣ памятникомъ вѣчнымъ, несокрушимымъ!

Изобрѣтеніе письма есть по истинѣ одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ для человѣчества. Безъ него люди никогда не могли бы взойти на ту степень достоинства и величія, на которой теперь стоятъ, — никогда не сдѣлались бы столько просвѣщенными, щастливыми, какъ теперь. Языкъ словесной, или изустное преданіе не могло бы сохранить и передать потомству всѣхъ глубокихъ наблюденій ума человѣческаго надъ Природою и человѣкомъ, всѣхъ полезныхъ изобрѣтеній и учрежденій, клонящихся ко благу общему, съ такою точностію, полнотою и вѣрностію, какъ языкъ письменный. — Мы бы не знали ничего объ отдаленныхъ вѣкахъ и народахъ, о важныхъ событіяхъ, намъ предшествовавшихъ, — или знали бы очень мало и притомъ самое невѣрное, такъ что Исторія, сія наставница рода человѣческаго, болѣе похожа была бы на сказку, нежели на истину. Законы, сіи блюстители правъ и благоденствія народовъ, были бы орудіемъ самовластнаго произвола судей земныхъ, не имѣли бы того благодѣтельнаго вліянія на судьбу человѣчества, какое теперь имѣютъ. Науки, сіи богатыя сокровища ума человѣческаго, собираемыя цѣлыми вѣками и народами, составляли бы самое бѣдное, скудное наслѣдіе для потомства. Художества и искусства, процвѣтающія только при щастливомъ содѣйствіи Наукъ, оставались бы въ вѣчномъ младенчествѣ и никогда не достигли бы настоящаго совершенства. Однимъ словомъ все, чѣмъ только гордятся теперь просвѣщенныя Государства одно передъ другимъ, что составляетъ ихъ истинное благоденствіе и могущество, — или вовсе не существовало бы безъ языка письменнаго, или находилось бы въ состояніи слабомъ, неустроенномъ, несовершенномъ.

Дабы во всей силѣ почувствовать благодѣтельное вліяніе языка письменнаго на благо народовъ, представимъ себѣ мысленно, что всѣ сокровища человѣческихъ познаній, наблюденій, постановленій, хранящіяся теперь въ безчисленныхъ, огромныхъ библіотекахъ, вдругъ изчезли во всемъ мірѣ, — что люди сохранили въ умѣ своемъ малѣйшую только часть сихъ сокровищъ, не знали бы письменъ и не могли изобрѣсти ихъ въ послѣдствіи,— какая горестная судьба постигла бы тогда земныя Царства и народы! Самыя цвѣтущія Государства, которыя гордятся теперь своимъ просвѣщеніемъ, славятся мудрыми законами, превозносятся непоколебимымъ могуществомъ, покрылись бы тогда непроницаемою тьмою невѣжества, пришли бы въ совершенное разстройство, сдѣлались слабыми и при всѣхъ возможныхъ усиліяхъ, продолжающихся цѣлые вѣки, никогда бы не достигли прежняго состоянія. — Но не станемъ возмущать духъ свой такими печальными и несбыточными произшествіями; возблагодаримъ лучше благое Провидѣніе, Которое даровало намъ всѣ способы болѣе и болѣе возвышаться и быть щастливыми.

Разсуждая о письменномъ языкѣ, я не могу удержаться, чтобы не напомнить Вамъ, ПП. ПП.! какую пользу и удовольствіе приноситъ онъ Вамъ самимъ. — Въ часы свободные отъ трудовъ, въ часы пріятнаго уединенія, Вамъ стоитъ только пожелать — и языкъ письменный является съ богатыми своими сокровищами и предлагаетъ свои услуги. Вы можете избирать, что Вамъ угодно. Хотите, — и онъ представитъ Вамъ величественную картину Природы, покажетъ всѣ чудесныя ея произведенія, опишетъ со всею подробностію ихъ составъ, свойства, пользу, ихъ красоту и назначеніе. — Хотите, — и онъ переселитъ Васъ въ первобытныя времена, представитъ безчисленные наро-

ды и Царства, разскажетъ о судьбѣ ихъ постигшей, укажетъ благодѣтельныхъ, добрыхъ Царей, великихъ Полководцевъ, мудрыхъ Законодателей, вдохновенныхъ Философовъ. Хотите, — и онъ перенесетъ Васъ въ страны отдаленныя, поставитъ среди народовъ чуждыхъ, покажетъ ихъ правленіе, вѣру, образъ жизни, ихъ нравы и обычаи, ихъ забавы и увеселенія. Угодно, — и онъ введетъ Васъ въ картинную галлерею человѣческой жизни; здѣсь представляется Вамъ цѣлой рядъ печальныхъ картинъ, изображающихъ добродѣтельныхъ героевъ, которые сражаются съ незаслуженнымъ несчастіемъ, погибаютъ, или торжествуютъ; — тамъ являются взорамъ Вашимъ картины веселыя, смѣшныя, на которыхъ видите людей съ небольшими недостатками и слабостями, дѣйствующихъ безъ всякаго размышленія, противно истинному вкусу; — далѣе открывается Вамъ превеликое множество другихъ картинъ, представляющихъ всѣ чудесныя приключенія, какія только могутъ случиться съ человѣкомъ; Вы можете выбирать любую изъ сихъ картинъ — и Вашъ проводникъ разскажетъ Вамъ со всею подробностію то, что она изображаетъ. Угодно, — и онъ представитъ Вамъ великихъ Стихотворцевъ, которые превосходными твореніями своими заслужили безсмертіе въ вѣкахъ; избирайте, — и онъ прелестями Поэзіи плѣнитъ Ваше сердце и высокими чувствами приведетъ въ восторгъ Вашу душу. Но можноль исчислить всѣ сокровища, которыми обладаетъ языкъ письменный? — Можноль пересказать всѣ удовольствія, всѣ пользы, которыя онъ доставляетъ намъ? . . . . .

Я желалъ бы представить Вамъ теперь, ПП. ПП.! сколь быстро восходитъ языкъ Россійскій на степень совершенства; сколь много обогащается онъ и процвѣтаетъ при благодѣтельномъ вліяніи просвѣщенія, при заведеніи многихъ ученыхъ Об-

ществъ въ Россіи, при щастливыхъ успѣхахъ нашей Поэзіи; но не смѣю болѣе утруждать благосклоннаго Вашего вниманія. Пожелаемъ вмѣстѣ, дабы онъ вскорѣ достигъ высочайшаго совершенства, дабы онъ успѣшно разпространялъ просвѣщеніе во всѣхъ обширныхъ странахъ нашей Имперіи, — дабы онъ достойно изобразилъ позднему потомству безсмертные подвиги Великаго нашего МОНАРХА, блистательную славу, непоколебимое могущество и совершенное благоденствіе любезнаго Отечества! . . . .